

Р. И. Сементковский. Общественные мо-
тивы современных беллетристов.

(мас. № 96)

1895
"Исторический вестник" т. 59, март (кн III)

— Современное беллетристи —

305

службу у жизни, людей непосредственного, жизненного дѣла. Тогда одновременно почти всѣ беллетристы какой нибудь страны постоянно разрабатываютъ одну и ту же тему, и это нельзя объяснять модою, влияніемъ какого нибудь замѣчательнаго образца выдающагося художника, то можно только допустить, что эти беллетристы дѣйствуютъ подъ непосредственнымъ влияніемъ самой жизни. И действительно, мы видимъ, что та же тенденція пробивается теперь съ большою силою въ печати вообще, что печать отъ громкихъ лозунговъ, кричащихъ фразъ, перешла къ трезвому и компетентному обсужденію практическихъ вопросовъ. Это — общее явленіе, и мы въ упомянутой статьѣ старались освѣтить его всесторонне. Но какъ къ нему ни относиться, одно ясно: оно слишкомъ резко проявляется въ жизни и слишкомъ распространено, чтобы его можно было игнорировать.

Однако, тенденціозная критика вслѣдствіе старается его не при-
читать. Я не могу безъ улыбки вспомнить, какъ къ тогдашней
моей статьѣ отнесся одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей
тенденціозной критики, г. Михайловскій. Онъ посвятилъ полемикѣ
со мною около четырехъ печатныхъ листовъ. Кажется, можно было
основательно разобратъ въ этомъ вопросѣ, неписавъ столько бу-
маги. Между прочимъ, я указывалъ, что за истекшія со времени
освобожденія крѣпостныхъ 30 лѣтъ наша интеллигенція мало сдѣ-
лала для народа: помѣщики разорились, крестьянское хозяйство
пришло въ разстройство, народились кулаки, усиленно стали про-
цвѣтать кабаки и т. д. Что же отвѣтилъ г. Михайловскій? Онъ
жестоко обидѣлся и заявилъ, что онъ, г. Михайловскій, всѣ эти 30
лѣтъ былъ на мѣстѣ и писалъ, что нужно. Не спорю; но дѣло
нѣтъ заключается вовсе не въ томъ, что пишетъ г. Михайловскій.
Нѣтъ идетъ о дѣятельности интеллигенціи въ самой жизни, а не о
томъ, что пишетъ тотъ или другой изъ насъ. Кромѣ того, г. Ми-
хайловскій меня завѣрилъ, что современные беллетристы вовсе не
разъясняютъ своимъ читателямъ того, что я имъ подказываю
виднымъ числомъ. Совершенно согласенъ. Но они не знаютъ то, что
имъ подкаazuje жизнь, и чего г. Михайловскій, къ сожалѣнію,
сказать не можетъ или, вѣрнѣе, не хочетъ, — а только это и пред-
ставляетъ въ данномъ случаѣ интересъ.

Со времени нашего спора съ г. Михайловскимъ прошло теперь
три года. Съ тѣхъ поръ написано не мало беллетристическихъ
произведеній. Остановимся же для приѣра на нѣкоторые изъ
нихъ, возьмемъ тѣ изъ нихъ, которыя обратили на себя особенное
вниманіе. Начнемъ хоть съ «Переела» г. Боборыкина. Вотъ за-
ключительный аккордъ этого длиннаго романа: «И всѣ они: Ида,
Липа, Дѣля Божеярна, Кострицынъ, Воденягинъ, художникъ Лу-
шинъ, вотъ этотъ Боярцевъ и Ястребовъ — изъ одного стада;
и всѣхъ живетъ нѣчто выше теорій, кружковъ, прописей, на-

правления, личного задора,—во всѣхъ». Что же это такое? Главный герой романа, Димитръ, «искать послѣдняго слова общественной правды и правъ, по крайней мѣрѣ, восемь въ теченіе двадцати лѣтъ быть фанатическимъ убійцею, что нашёлъ ее... Кого и что только онъ ни поддерживалъ, въ томъ числѣ и крестьянъ». Но отъ всего этого произошёлъ только «душевный крикъ». Онъ убѣдился, что все это вадоръ. Но вотъ настала голода, и онъ сразу убѣдился, что «жизнь сильнѣе всякихъ вольныхъ и невольныхъ грѣховъ и блужданій». «Неужели,—звѣрещаетъ герой:—надо непременно что нибудь роковое, стихійное: моръ, голодъ, потопъ, трясъ, чтобы такихъ, какъ онъ, превратить въ людей, забывшихъ о себѣ, знающихъ, что надо дѣлать: кому помогать, съ чѣмъ бороться, о чемъ кричать на всю Русь». Такъ разсуждаетъ главный герой «Перевала». Возьмемъ теперь большой романъ г. Потапенко «Любовь», печатавшійся въ тѣхъ же книжкахъ «Русской Мысли», въ которыхъ г. Михайловскій такъ сильно оспаривалъ противъ меня, и остановимся опять на заключительномъ аккордѣ, разъясняющемъ основную мысль автора. Хилость, идеализмъ старой школы, говоритъ героинѣ романа, Наташѣ, отрекающейся отъ высшаго образованія, чтобы удовлетворять непосредственнымъ нуждамъ народа, въ качествѣ помѣщицы: «Да, Наташа, жизнь проста, она состоитъ изъ простыхъ, малейшихъ дѣлъ, и въ этихъ простыхъ, малейшихъ дѣлахъ, которыми заняты также же простые, малейшие люди, ты найдешь великую правду и великую задачу для своихъ молодыхъ силъ». Къ той же Наташѣ обращается другой идеалистъ, потерпѣвшій крушеніе въ жизни, съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Благословляю васъ; поѣзжайте, работайте, дайте книгоградъ вашъ, ибо дѣлателей-то у насъ мало... Учитѣ, лечите, кормите, а главное, учите уму-разуму, просвѣщайте темныхъ... Пусть говорятъ, что это избито и шаблонно, что это слишкомъ мелкое дѣло. Не обращайте на это вниманія. Для кого другого оно можетъ быть избито, и шаблонно, и мелко, а для насъ, русскихъ людей, это въ самую пору». Возьмемъ далѣе надѣлавшій столько шуму разсказъ г. Чехова: «Палата № 6». Этотъ разсказъ пришелся очень по душѣ представителямъ нашей тенденціонной критики. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не прійти въ умиленіе, когда авторъ рисуетъ вамъ картину неброятныхъ злоупотребленій и даже звѣрствъ, происходящихъ въ нашихъ захолустныхъ больницахъ. Вотъ каковы у насъ порядки, вотъ какое печальное зрѣлище представляетъ Россія! Но при этомъ, какъ водится, была упущена изъ виду главная мысль автора, изображенная такъ рельефно, такъ ярко, что на одинъ безпристрастный человѣкъ не могъ, какъ-то бы, ее проглядѣть. Разсказъ г. Чехова представляетъ собою безпомощный судъ надъ тою частью нашей интеллигенціи, которая, увлекаясь возвышенными идеалами, предаваясь философствованію и мнимому изученію міросозрѣнія,

не видеть, что у нея совершается подъ носомъ. Изображенный въ рассказѣ г. Чехова докторъ, начальникъ и главный врачъ описанной городской больницы, «склоненъ къ анализу и обобщеніямъ», онъ любитъ сходитьсь съ другими людьми одинаковаго съ нимъ пастроенія и «проводить время въ обмѣнѣ гордыхъ, свобододолюбивыхъ идей»; онъ горько жалуется, что «умному, образованному, гордому, свобододолюбивому человеку, подобно Божію, нѣтъ другого выхода, какъ идти лѣкаремъ въ грязный, глупый городишко и всю жизнь ставить банки, пиявки, горчишники. Шарлатанство, узость, пошлость. О, Боже мой!» На это сумасшедшій больной ему резонно отвѣчаетъ: «Если въ лѣкаря противно, шли бы въ министры». Но докторъ очень хорошо сознаетъ, что и въ министры онъ не годится, потому что онъ вообще ни къ какому практическому дѣлу не способенъ: онъ можетъ только предаваться «гордымъ, свобододолюбивымъ идеямъ», и кончается, конечно, дѣло тѣмъ, что онъ, имѣя на это полную возможность, нисколько не устраняетъ злоупотребленій, водворившихся до него въ больницу, а напротивъ своимъ халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу способствуетъ ихъ усиленію и, такъ какъ онъ предается «гордымъ, свобододолюбивымъ идеямъ», выпивая при этомъ значительное количество крѣпкихъ напитковъ, то теряетъ мѣсто и попадаетъ въ качествѣ пациента въ ту же больницу, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ испытываетъ всю прелесть порядковъ, не искорененныхъ имъ, благодаря его чрезмѣрному увлеченію «гордыми, свобододолюбивыми идеями». Очень это злая и, быть можетъ, слишкомъ безпощадная насмѣшка надъ пастроеніемъ нашего общества, преимущественно той части его, которую прельщаетъ тенденціозная критика. Но это не измѣняетъ вопроса: основной смыслъ рассказа г. Чехова опять таки призывъ общества къ посвященію себя тому же «маленькому» дѣлу. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Какія произведенія Вас. И. Немировича-Данченко обратили на себя вниманіе за эти три года? Мы уже отмѣтили въ упомянутой нашей статьѣ, что уже въ 1889 году онъ выпустилъ сборникъ очерковъ и рассказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Незамѣтные герои». Съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ постоянно возвращаться къ этой темѣ, и наилучшія его произведенія, появившіяся въ рассматриваемый нами періодъ времени, опять таки посвящены «маленькимъ людямъ». Мы говоримъ о «Маіорѣ Бобковѣ» и «Аполонѣ Гордиловѣ». Что это за личности? Маіоръ Бобковъ, не смотря на то, что онъ отставной маіоръ, не гнушается ходить по домамъ и прямо шантажировать, чтобы собрать средства, необходимыя для пріобрѣтенія бездомныхъ дѣтей. Онъ спасаетъ отъ смерти дѣвушку, рѣшившую покончить жизнь самоубійствомъ, и она становится вѣрной его помощницей въ предпріятіи имъ трудномъ и самоотверженномъ дѣлѣ. Рѣшима спасти она дѣтей пріобрѣтенныхъ дѣтей, пріобрѣтенныхъ дѣтей и воспитать ихъ